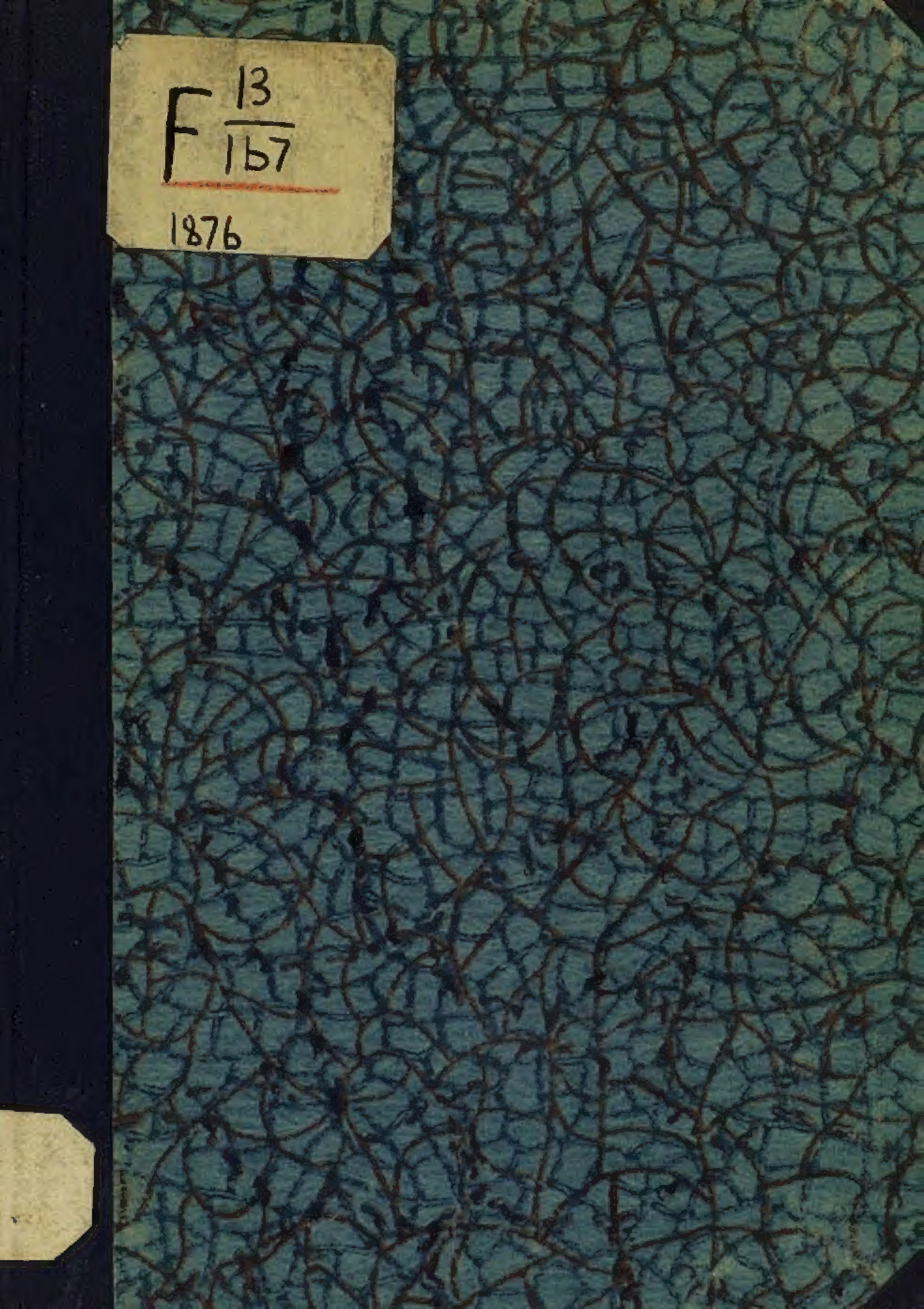

F 13/167
1876

№ 181.

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ РУССКОЙ НАУКѢ.

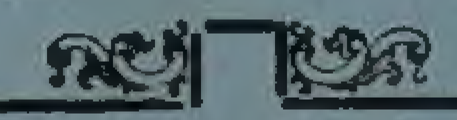
КРИТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ

К. В. ШЕЙКОВСКАГО.

БОБРУЙСКЪ.

Типографія К. Шейковскаго на Родіоновск. ул. д. Хургин.

1876.

СЛАВЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

РУССКОЙ НАУКѢ.

КРИТИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ

К. В. ШЕЙКОВСКАГО.

БОБРУЙСКЪ.
Типографія К. Шейковскаго на Родіоновск. ул. домъ Хургина.
1876.

Дозволено цензурою. Кіевъ. 29 Мая 1876 года.

1. Этнографическая карта славянскихъ народностей М. Ф. Мирковича дополнена А. Ф. Риттихомъ. Спб.1875. 2-е изданіе Спбургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета.

2. Статистическія таблицы распредѣленія славянъ *а)* **по государствамъ и народностямъ** *б)* **по вѣроисповѣданіямъ, азбукамъ и литературнымъ языкамъ (нарѣчіямъ) съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Приложеніе къ «Этнографической картѣ Славянскихъ народностей» М. Ѳ. Мирковича** et cet. **Спб. Тип. и Хромолитографія А. Траншеля, Стремянная, № 12.** 1875 in 8 стр. 23.

На дняхъ попались мнѣ подъ руку карта и брошюра, заглавіе которыхъ я только что привелъ.

Брошюра г. Будиловича начинается слѣдующими громкими словами: «Въ 1842 году появился въ Прагѣ знаменитый трудъ Шафарика: «Slovansky Národopis», въ которомъ впервые собраны подробныя статистическія данныя для распредѣленія Славянъ въ отношеніяхъ этнографическомъ, политическомъ

и религіозномъ. Хотя Шафарикъ и не указалъ въ этомъ сочиненіи источниковъ для своихъ цифръ и не опредѣлилъ степени ихъ достовѣрности, однако данныя его отличались большой, по тому времени, точностію и потому пользовались заслуженнымъ довѣріемъ всѣхъ послѣдующихъ статистиковъ.

«Но въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ жизнь произвела не мало важныхъ перемѣнъ въ статистическихъ отношеніяхъ (?) Славянъ; съ другой стороны и наука уже освѣтила не мало темныхъ прежде угловъ славянскаго міра.

«Цифры Шафарика устарѣли; понадобилось ихъ провѣрить и освѣжить по даннымъ новѣйшаго времени.

«Выполненіе этой задачи возложено было С-Петербургскимъ Отдѣломъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета на члена его А. С. Будиловича, который и составилъ издаваемыя нынѣ статистическія таблицы распредѣленія Славянъ а) по государствамъ и народностямъ б) по вѣроисповѣданіямъ, азбукамъ и литературнымъ языкамъ (или вѣрнѣе *) нарѣчіямъ) (стр. 3)».

Казалось бы, что если цѣлая корпорація возложила на одного изъ своихъ членовъ миссію быть продолжателемъ Шафарика, то она должна была вполнѣ быть убѣжденною, что ея достойный членъ оправдаетъ ея довѣріе, или, по крайней мѣрѣ, она должна быть увѣрена, что онъ обладаетъ необходимымъ для всякаго ученаго качествомъ, которое такъ и проглядываетъ въ Шафарикѣ, именно безпристрастіемъ. Я не говорю о той обширной и глубокой учености, какою отличался Шафа-

*) Совершенно вѣрнѣе, только выраженіе «литературное нарѣчіе» до сихъ поръ не было извѣстно въ наукѣ, и потому выдумывать его не было никакой надобности, потому что оно не заключаетъ въ себѣ ничего конкретнаго.

рикъ, хотя корпорація и это должна была имѣть въ виду, поручая *«провѣрку и освѣженіе»* данныхъ Шафарика, иначе, поручая это немаловажное дѣло кому-бы то ни было, она этимъ доказывала фактъ, что въ русской интеллигенціи нѣтъ лицъ, которыя съ знаніемъ дѣла и добросовѣстно могутъ исполнить порученіе «Спб. Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета». Да и то правда, что «Отдѣлу Благотворительнаго Комитета» вовсе не слѣдовало браться за цѣли, совершенно выходящія изъ круга благотворительности.

Какъ бы то ни было, но поправить уже совершившійся фактъ нельзя, и намъ остается оцѣнивать его такимъ, какимъ онъ представляется, крайне сожалѣя о томъ, что въ русской литературѣ даже quasi-ученой встрѣчаются такія печальныя явленія, что она, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, или толчется на одномъ мѣстѣ, или, что гораздо хуже, возвращается назадъ.

Въ каждой изъ славянскихъ литературъ, за исключеніемъ, правда, малорусской, сербской и болгарской, было время (оно уже къ счастью давно миновало), когда каждая изъ нихъ проводила теорію мессіянизма; въ каждой славянской литературѣ она появлялась не въ одно время и существованіе ея длилось не очень долго. Всѣ уже славянскія литературы давнымъ давно отреклись отъ этой теоріи. Неужели для русской литературы только теперь наступила пора той теоріи, отъ которой всѣ славянскія литературы, давно отреклись? Къ сожалѣнію надо прійти къ этому заключенію изъ чтенія брошюры г. Будиловича. Правда, онъ, какъ дипломатъ, не высказываетъ этой теоріи прямо, но она вполнѣ проглядываетъ въ его брошюрѣ.

Самое появленіе этой брошюры есть уже проявленіе мессіянизма. Хотя въ предисловіи къ ней и говорится слѣдующее:

«цифры Шафарика устарѣли, понадобилось ихъ провѣрить и освѣжить по даннымъ новѣйшаго времени (стр. 3)». Но это пустая фраза, которою могутъ удовлетвориться только незнакомые со славянскою этнографіею и филологіею. Неужели С-Петербургскому Отдѣлу Славянскаго Благотворительнаго Комитета неизвѣстно, что цифры Шафарика уже провѣрены и освѣжены въ прекрасномъ и безпристрастномъ сочиненіи: «Обзоръ исторіи Славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Спб. 1865 г.» (см. стр. 3-14)? Если онъ сознается, что это ему неизвѣстно, то тогда я готовъ снять съ него упрекъ въ мессіянизмѣ. Даже свѣдѣнія, находящіяся въ этой книгѣ, гораздо лучше для того времени, нежели данныя, выставляемыя разсматриваемою брошюрою.

Кажется г. Будиловичъ гдѣ-то и чему-то учился, потомъ преподавалъ въ какихъ-то высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, да и теперь преподаетъ, слѣдовательно отъ него должно бы требовать, по крайней мѣрѣ, самыхъ обыкновенныхъ свѣдѣній по той наукѣ, которую онъ дрессируетъ. Можетъ быть онъ и имѣетъ эти свѣдѣнія, но брошюра его показываетъ, какъ увидимъ ниже, совсѣмъ противное. Это печальное явленіе объясняется тѣмъ, что есть цѣлая группа ученыхъ, для которыхъ, если они зададутся какою-нибудь тенденціозною мыслію, логика, данныя науки, ея доводы и изслѣдованія ни по чемъ. Эту группу ученыхъ слѣдуетъ назвать учеными *свищами*.

Въ каждой наукѣ есть термины, которые на столько извѣстны даже не спеціалистамъ, на сколько извѣстны ученикамъ перваго класса, что такое единственное и множественное число. Таковы въ лингвистикѣ термины: *языкъ*, *нарѣчіе*, *поднарѣчіе* и т. п. Извѣстно также, что такое языкъ литературный и что такое языкъ не литературный. Языкъ—это естественное проявленіе свободно творящаго духа извѣстнаго *на-*

роднаго типа. Если нѣтъ особаго народнаго типа, то не можетъ быть и особаго языка. Литературнымъ языкомъ называется совокупность всѣхъ *письменныхъ* памятниковъ какого нибудь языка въ историческомъ ихъ развитіи. Слѣдовательно, языкъ, какъ проявленіе цѣльнаго народнаго духа, можетъ существовать, не имѣя ни одного письменнаго памятника. Между тѣмъ г. Будиловичъ пишетъ слѣдующее: «Изъ 11-ти (,) отмѣченныхъ въ таблицѣ Славянскихъ литературныхъ языковъ, лишь одинъ Русскій заслуживаетъ этого названія (,?) по своей распространенности, древности преданій и обработкѣ. Всѣ остальные суть собственно нарѣчія, а не языки; лишь случайно (?) возвысились они на степень органовъ литературныхъ и съ трудомъ удерживаются въ этомъ званіи, при неравной борьбѣ съ языками литературными міровыми (стр. 18)». Это мѣсто брошюры совершенно не поддается пониманію. Спрашивается какого языка нарѣчіями считаетъ г. Будиловичъ насчитанные имъ десять славянскихъ литературныхъ языковъ? Неужто Русскаго? Это открытіе еще не бывалое въ наукѣ, да и ни на чемъ не основанное. Если же онъ считаетъ ихъ нарѣчіями того языка, который въ наукѣ носитъ еще разныя названія (Lingua pannonica, lingua sacra,palaeoslovenica, altbulgarisch и др.),то по отношенію къ нему и русскій языкъ называется *нарѣчіемъ*. Или, можетъ быть г. Будиловичъ 10 литературныхъ языковъ называетъ *литературными нарѣчіями*; такого термина еще не встрѣчалось нигдѣ, да едвали онъ возможенъ и едвали къ чему нибудь пригоденъ. Этимъ терминомъ прійдется пользоваться одному г. Будиловичу въ той наукѣ, корую создалъ для себя.

Теперь посмотримъ на тѣ условія, которыя считаетъ г. Будиловичъ необходимыми для литературнаго языка. Ихъ по г. Будиловичу три: *распространенность* (чего?), *древность пре-*

даній и *обработка*. Всякій видитъ, что это условія своеобразныя, никому не приходившія въ голову въ нормальномъ состояніи ея и не имѣющія никакого основанія; къ тому же они одинаково примѣнимы и къ другимъ славянскимъ языкамъ.

Что касается до *обработки* языка, то г. Будиловичу, какъ знакомому со славянскими языками, а въ особенности съ польскимъ (предполагать это я имѣю нѣкоторыя достаточныя данныя), должно быть извѣстно, что чешскій и польскій языки не менѣе обработаны, чѣмъ русскій, и слѣдовательно его разглагольствованіе объ обработкѣ языка пустая фраза. Къ тому же обработка языка вещь относительная: бываютъ факты такіе, что языки, начавшіе развиваться позже, опережаютъ развитіе и обработку прежнихъ языковъ.

Второе условіе для того, что бы языкъ былъ литературнымъ, по мнѣнію г. Будиловича, *древность преданій*. Что понимать подъ древностью преданій, если идетъ дѣло о языкѣ? Такъ какъ г. Будиловичъ не объяснилъ этого, а высокопарное выраженіе его «древность преданій» не заключаетъ въ себѣ ничего, то намъ слѣдуетъ предположить, что подъ древностью преданій нужно понимать древность письменныхъ памятниковъ. Если такъ, то кому неизвѣстно, что и другіе славянскіе языки имѣютъ, говоря слогомъ г. Будиловича, не меньшую древность преданій? Кому неизвѣстны такъ называемые фрейзингенскіе отрывки? Даже языкъ малорусскій, который совсѣмъ исключенъ г. Будиловичемъ изъ списка славянскихъ, вопреки изслѣдованіямъ такихъ ученыхъ, какъ Шафарикъ, Миклошичъ и др., имѣетъ древность преданій въ «русскихъ»*) названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ Константина Багрянород-

*) Школа норманистовъ усиливается доказать, что «русскія» названія пороговъ суть норманскія, и дѣлаетъ неимовѣрныя натяжки къ истолкованію

аго, въ лѣтописи Пр. Нестора, въ Словѣ о полку Игоревѣ др. Слѣдовательно, «древность преданій» тутъ ни при чемъ, есть только измышленіе г. Будиловича.

Остается сказать о *распространенности языка,* неизвѣстно только какую распространенность языка имѣетъ въ виду . Будиловичъ, такъ какъ распространенность языка можетъ ыть трехъ родовъ.

Распространенность территоріальная. Въ этой распростраенности Китайскій языкъ перещеголялъ Русскій. Неужели па сновавіи этого кто нибудь, подобно г. Будиловичу, построитъ теоію, что только Китайскій языкъ заслуживаетъ этого названія, а сѣ другіе языки собственно нарѣчія, а не языки? Говоря о аспространенности Русскаго языка, г. Будиловичъ безъ сомѣнія имѣетъ въ виду распространенность Русскаго литератураго языка; поэтому мы считаемъ необходимымъ привести нѣніе объ этомъ предметѣ г. Потебни, заслужившаго своими зслѣдованіями авторитетъ въ наукѣ. Вотъ что онъ говоритъ: можно теперь навѣрное сказать, что раздѣленіе Русскаго языка древнѣе XI вѣка и вся исторія его, основанная на свицѣтельствѣ памятниковъ, имѣетъ діалектологическій характеръ и есть исторія русскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и нарѣчій *письменныхъ, къ коимъ принадлежитъ и нынѣшній литературный нашъ языкъ.* Послѣдній не можетъ быть названъ областнымъ только потому, что люди, органомъ коихъ онъ служитъ, разсѣяны по лицу всей Русской земли. *Если-бы они были скучены, то не могли бы густо населить и одной губерніи,* а съ этой стороны (но не вообще) каждое изъ остальныхъ

названій изъ норманскихъ языковъ. Но этого ей никакъ нельзя достигнуть, потому что въ «русскихъ» названіяхъ пороговъ господствуетъ полногласіе, его нѣтъ въ норманскихъ языкахъ. «Русскія» названія пороговъ—малорусскія названія, а славянскія—переводъ ихъ на древне-славянскій языкъ, сдѣланный, вѣроятно, для Константина Багрянороднаго.

крупныхъ дѣленій Русскаго языка важнѣе русскаго литературнаго» (Филологич. Записки. Выпускъ I. 1876 г. стр. 2).

Другая распространенность языка состоитъ въ численности сочиненій, выходящихъ въ свѣтъ на этомъ языкѣ. Если взять въ этомъ отношеніи русскій языкъ, то увидимъ, что, по численности русскаго народа, какую выставилъ г. Будиловичъ 61.199,590 (стр. 4), выходящія какія нибудь 2,000 сочиненій въ годъ (со включеніемъ календарей, лубочныхъ изданій и сочиненій, выходящихъ 2-мъ и послѣдующими изданіами) *), числовыя данныя скажутъ совсѣмъ не въ пользу распространенности русскаго литературнаго языка, потому что другія славянскія литературы, при меньшей численности народа, представятъ такіе же результаты. Третьяго рода распространенность заключается въ распространенности извѣстнаго сочиненія. Но эту распространенность прослѣдить нельзя. Всякое напечатанное сочиненіе, на какомъ бы языкѣ оно ни было напечатано, дѣлается, если того, разумѣется, заслуживаетъ, достояніемъ цѣлаго человѣчества, а не одного народа. Поэтому и говорится: «вышло сочиненіе въ *свѣтъ*,» но никто не говоритъ: вышло сочиненіе «въ народъ».

И такъ на *распространенности языка, древности преданій и обработкѣ* ровно никакой теоріи построить нельзя. И неужели это не было извѣстно г. Будиловичу?

Голосъ пристрастія, а не голосъ науки заставилъ г. Будиловича написать слѣдующія строки: «въ числѣ этихъ литературныхъ «языковъ» Славянскихъ, нужно-бы **)упомянуть еще о Малорусскомъ, который употребляется нѣкоторыми писателями Украинскими, Галицкими и Карпато-Русскими, преиму-

*) По «русскому Календарю» г. Суворина на 1876 г. въ 1874 году вышло на русскомъ языкѣ книгъ 2811 (стр. 297).

**) Какая снисходительность со стороны г. Будиловича?

щественно уніатамя. Но этотъ Малорусскій литературный жаргонъ» (чисто научное названіе! Не правда ли какой милый терминъ—*литературный жаргонъ*? Можно-ли къ слову *жаргонъ* прибавить слово *литературный*?)«не имѣетъ опредѣленной территоріи *), на которой бы онъ былъ органомъ школъ, судовъ и администраціи **). Поэтому трудно указать для этого «языка» границы его распространенности и число душъ, для которыхъ онъ служитъ литературнымъ органомъ, однимъ словомъ дать этому факту статистическое опредѣленіе. Вотъ почему «языкъ» этотъ опущенъ въ нашихъ таблицахъ (стр. 18)» Достаточное основаніе! Эти теоріи вы можете передавать только *изустно* своимъ слушателямъ, NB если они захотятъ слушать подобныя вещи. Чего вы думаете достигнуть ими въ славянствѣ? Вы вызываете ими только реакцію, отъ которой нельзя ожидать пользы для славянскаго единства.

Если-бы г. Будиловичъ былъ безпристрастенъ и строго послѣдователенъ, то на этомъ же основаніи онъ долженъ былъ бы вычеркнуть изъ своихъ таблицъ и другія славянскія «нарѣчія», какъ онъ ихъ называетъ, потому что не у всѣхъ славянскихъ народовъ, которые фигурируютъ въ его таблицахъ, ихъ литературный языкъ служитъ органомъ *школъ, судовъ и администраціи*. Неужели г. Будиловичъ докажетъ, что *до* школъ, судовъ и администраціи не существовало на земномъ шарѣ ни одного языка? Этого онъ не докажетъ, а слѣдовательно его *школа, судъ и администрація* ни при чемъ и не могутъ служить помѣхою къ статистическому опредѣленію чис-

*) Не думаетъ-ли г. Будиловичъ, что на малорусскомъ языкѣ говорятъ только на н е б ѣ, а не на з е м л ѣ?

**) Опять новыя условія для того, что-бы языкъ считался языкомъ. Всякій грамотный знаетъ, что санскритскій языкъ, древне-еврейскій, греческій, латинскій и другіе, не имѣя территоріальной распространенности и не будучи органами школы, суда и администраціи, все таки считаются языками.

лепности малороссовъ, Г. Будиловичу, какъ занимающемуся славянскимъ языкознаніемъ, повидимому, долженъ былъ-бы быть извѣстенъ словарь г. Партицкаго. Въ предисловіи къ нему онъ нашелъ бы то условіе для малорусскаго языка, которое онъ считаетъ необходимымъ для того, чтобы считать этотъ языкъ не чѣмъ другимъ, а языкомъ. Тамъ вотъ что написано: «у насъ въ Галичинѣ свобо̂дный розво̂й для нашего материёго языка: и въ *церкви и въ урядѣ и въ школѣ* намъ запоручено уживане ро̂дного слова. По̂дъ такими взаєминами годѣ, щo-бъ ми цурали ся своєѣ бесѣди и не працювали дальше на то̂й нивѣ, на которо̂й першиѣ свѣтила нашого народу такъ славно и такъ мужно трудили ся. Нива та-то наша народна письменно̂сть» (Нѣмецько-рускій Словаръ черезъ О. Партицкаго Льво̂въ. 1867. Стр. III). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что г. Будиловичъ или умышленно уклоняется отъ истины, или не знаетъ того, что долженъ бы знать.

Постараемся по возможности пополнить пробѣлъ относительно малорусскаго народа, сдѣланный г. Будиловичемъ.

Правда, исчисляя русскую народность въ Россіи, г. Будиловичъ, послѣ итога всѣхъ русскихъ въ 57. 905, 294 пишетъ: «въ томъ числѣ предполагается (почему-жъ только предполагается?) 14. 168,288 малоруссовъ (стр. 6)». Если къ этой цифрѣ прибавимъ цифру Австровенгерскихъ русиновъ: 3.169,500, то численность всего малорусскаго народа опредѣлится въ 17.337,788. И такой народъ г. Будиловичъ вычеркнулъ изъ своихъ таблицъ! Между тѣмъ поставилъ на конъ особымъ народомъ Кашубовъ, 111,416, вопреки всѣмъ славистамъ, которые считаютъ ихъ разновидностью польскаго народа. Какими данными руководствовался при этомъ г. Будиловичъ, вѣроятно, неизвѣстно и ему самому.

Если-бы г. Будиловичъ не былъ пристрастенъ и имѣлъ въ виду интересы науки, то онъ взялъ-бы во вниманіе тѣ труды

и изслѣдованія, на которыя затратили столько времени и усилій такіе ученые, какъ Шафарикъ, Миклошичъ и др. А въ ихъ трудахъ (у Шафарика великорусское нарѣчіе и малорусское поставлены какъ двѣ параллели *), у Миклошича (Lautlehre стр. 340—370 и Formenlehre стр. 278-310) есть трактаты о малорусскомъ языкѣ и онъ фигурируетъ наравнѣ съ другими славянскими, хотя въ то время гораздо труднѣе было заняться изслѣдованіемъ малорусскаго языка, нежели теперь. Г. Будиловичу, прежде нежели назвать малорусскій языкъ *жаргономъ*, слѣдовало данными науки опровергнуть изслѣдованія славистовъ, которые признаютъ этотъ жаргонъ языкомъ. По крайней мѣрѣ ему не слѣдовало идти въ разрѣзъ хоть съ изданіями того-же благотворительнаго комитета. Въ изданіи его «Общеславянская азбука съ приложеніемъ образцовъ славянскихъ нарѣчій; составилъ А. Гильфердингъ. Спб. 1871» между прочимъ вотъ что говорится, послѣ того, какъ сказано было, что не всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ представлены образцы: «мы говоримъ объ отдѣльныхъ *нарьчіяхъ* въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. такихъ, которыя имѣютъ особенную звуковую и грамматическую организацію. Изъ такихъ нарѣчій не достаетъ здѣсь четырехъ: въ предѣлахъ русскаго языка--нарѣчія *малорусскаго* въ предѣлахъ болгарскаго--нарѣчія *македонскаго*, и въ предѣлахъ языка польскаго--нарѣчій *мазурскаго***) и *кашубскаго*. Для полноты образцовъ всѣхъ вѣтвей славянскихъ было бы необходимо, чтобы представлены были и эти нарѣчія; но этого къ сожалѣнію нельзя было сдѣлать въ настоящемъ изданіи, за неимѣніемъ перевода Евангелія на поименованныя нарѣчія (стр. CXXVII)»

*) См. Slaw, Národopis 3 изд. стр. 10—28.

**) Мазурскій говоръ такъ относится къ польскому языку, какъ бѣлорусскій къ великорусскому; и если Гильфердингъ признавалъ бѣлорусскій говоръ не имѣющимъ особенной звуковой и грамматической организаціи т. е. не нарѣчіемъ, то то-же самое слѣдовало сдѣлать и съ мазурскимъ говоромъ.

и въ заключеніе выражаетъ желаніе, что-бы при второмъ изданіи образцы были дополнены переводомъ Евангельскихъ главъ на нарѣчія малорусское, македонское, мазурское и кашубское (стр. CXXIX)». Изъ этого видно, что тогда благотворительный комитетъ еще имѣлъ какія нибудь свѣдѣнія по славянской филологіи и не былъ пораженъ *жаргонизмомъ*, т.е. проповѣдываніемъ всякаго вздору подъ видомъ популяризаціи науки.

Для устраненія жаргонизма считаю нужнымъ привести сводъ мнѣній ученыхъ относительно малорусскаго языка, сдѣланный г. Прыжовымъ въ его сочиненіи: «Малороссія (южная Русь) въ исторіи ея литературы съ XI по XVIII вѣкъ. Воронежъ. 1869.» Вотъ что онъ говоритъ: «Лучшіе представители славянскаго языкознанія, каковы Миклошичъ (Vergl. Grammat. I. IX) и А. Шлейеръ Beitr z. v. Sprach. I. 22) считаютъ южно-Русскій языкъ самостоятельнымъ и самобытнымъ (Mikl. Selbständige Sprache). Ламанскій полагаетъ, что главнѣйшія отличія Южно-Русскаго языка восходятъ къ доисторическому времени (Зап. Ак Н. V., I, прил. 80). Профессоръ Срезневскій выражается такъ: «Давни, но не испоконны черты, отдѣляющія одно отъ другаго нарѣчія сѣверное и южное, Великороссійское и Малороссійское»(Мысли, 40). Въ южно-русскомъ языкѣ онъ видитъ такой-же цѣльный языкъ, какъ Сербскій или Болгарскій, и потому раздѣляетъ Славянскія нарѣчія на относящіяся къ восточному отдѣлу, которыя распадаются а) на Великорусское съ поднарѣчіемъ Бѣлорусскимъ, б) Малороссійское, восточное и западное,—и на Югозападныя: а) Старославянское, б) Болгарское и в) Сербское. (Ж. М. Н. Пр. XLVIII: «обозр. гл. чертъ сродства въ Слав. нар».) Профессоръ Лавровскій, разсмотрѣвъ формы Южно-Русскаго языка, находитъ, что онѣ даютъ ему неоспоримое право на такое-же

самостоятельное мѣсто, какое занимаютъ и другія славянскія нарѣчія ibid. 263). Проф. Максимовичъ, еще въ 1839 г. указалъ ему свое мѣсто въ исторіи русскаго слова (Макс. Ист. Р. Слов. 97. и слѣд). Профессоръ Головацій въ своемъ сочиненіи: «Розправа о языцѣ Южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ» (Львовъ, 1849), ссылаясь на памятники, доказывалъ, что Южно-Русскій языкъ *самостатный и стародавній* (стр. 19) и что въ древности онъ имѣлъ въ головныхъ зачеркахъ тую самую стать, то самое направленье, що нынѣшній (стр. 21). Наконецъ, лучшій знатокъ Южно-Русскаго языка, Профессоръ Бодянскій, не думая соглашаться съ мнѣніемъ, недавно возникшимъ, о позднѣйшемъ происхожденіи Малорусскаго языка, требуетъ, что-бы люди, которые пишутъ все, что ни взбредетъ имъ въ голову, поглубже познакомились бы съ историческимъ развитіемъ языка (Чтенія 1858. IV, III. 72)» [стр. 3 и 4).

Вотъ это попреимуществу нужно рекомендовать г. Будиловичу.

Кому не покажется страннымъ дѣленіе славянъ г. Будиловичемъ по азбукамъ? Къ чему такое распредѣленіе можетъ повести? Изъ этого дѣленія узнаемъ, что русскіе въ настоящее время пишутъ кириллицею, тогда какъ всякому извѣстно, что мы практикуемъ петровскую гражданку. Не лучше-ли было распредѣлить славянъ по преобладающему цвѣту волосъ?

Еще болѣе достойно порицанія то, что г. Будиловичъ вводитъ свои, ни на чемъ не основанныя, дѣленія славянскихъ народностей, вопреки установившимся научными изслѣдованіями, и что онъ вводитъ новыя дробленія: у него одинадцать славянскихъ языковъ, тогда какъ у Миклошича со включеніемъ малорусскаго языка, который исключенъ г. Будиловичемъ, только десять, а у Шафарика съ полабскимъ языкомъ только семь, тоже у Гильфердинга (стр. CXXVIII), а у Гг. Пы-

пина и Спасовича только шесть. Г. Будиловичъ homo novus; перетасовки въ славянскомъ языкознаніи можно дѣлать только въ обширныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ, конечно, на основаніи этихъ изслѣдованій, но отнюдь не въ какихъ-нибудь брошюрахъ.

На стр. 19 г Будиловичъ пишетъ: «Словенскія нарѣчія нужно различать двоякія: а) нарѣчіе Подъ-Альпійскихъ Словенцевъ, которыхъ Несторъ называлъ Хорутанами, и кототорое удобно-бы (мало-ли что удобно для г. Будиловича?) обозначить терминомъ Хорутано-Словенское; б) нарѣчіе Под-Татранскихъ Словаковъ въ Угорщинѣ, которое, для отличія отъ послѣдняго, можно-бы назвать: Угро-Словенскимъ. Нѣкоторые называютъ первое Словинскимъ, а второе Словацкимъ, но это названія искусственныя, противныя народному употребленію». А развѣ придуманныя г. Будиловичемъ названія менѣе искусствены, и развѣ они не противнѣе народному употребленію? Всякій согласится, что двойныя названія, выкованныя на нѣмецкій ладъ, болѣе противны народному употребленію.

Неизвѣстно также къ силу какихъ данныхъ г. Будиловичъ высчитываетъ число раскольниковъ русскихъ въ 3.074,127 тогда какъ всякому извѣстно, что однихъ безпоповцевъ болѣе 5.000.000, а куда же дѣвать еще субботствующихъ, малakановъ и др.? Вообще съ числовыми данными слѣдовало-бы обращаться гораздо осторожнѣе.

Зачѣмъ г. Будиловичъ прибѣгаетъ къ иностраннымъ источникамъ относительно славянскихъ народностей тамъ, гдѣ можно обойтись безъ нихъ. Преимущество нужно отдавать источникамъ той славянской народности, о которой пишемъ, и если нѣтъ источниковъ туземныхъ, то тогда только можно прибѣгать къ иноземнымъ, или если доказана неточность источ-

никовъ туземныхъ. Такъ число всѣхъ Болгаръ г. Будиловичъ насчитываетъ въ 5.940,539, хотя говоритъ, что нѣкоторые насчитываютъ 7 милліоновъ (стр. 15). Но прежде нужно было показать и доказать неточность этой цифры и тогда уже замѣнять ее другою. Показалецъ г. Раковскаго въ 1859 г. насчитываетъ ихъ въ одной Турціи 7 милліоновъ, выражаясь, что «число нихно прѣвъзходи и 7 милліона»*)

Изъ чтенія брошюры г. Будиловича слѣдуетъ придти къ четыремъ заключеніямъ:

1. Что Славянскому Благотворительному Комитету достаточно ограничиться, какъ самое названіе и цѣль его показываетъ, дѣлами благотворительности въ средѣ славянскихъ народностей, не исключая изъ нихъ русской и малорусской народностей, а не дѣлами литературными;

2. Что въ русской наукѣ о славянскихъ народностяхъ замѣчается значительный регрессъ;

3. Что въ русской наукѣ есть много *ученыхъ свищей* или *жаргонистовъ*, распространяющихъ подъ видомъ науки всевозможныя нелѣпости; и

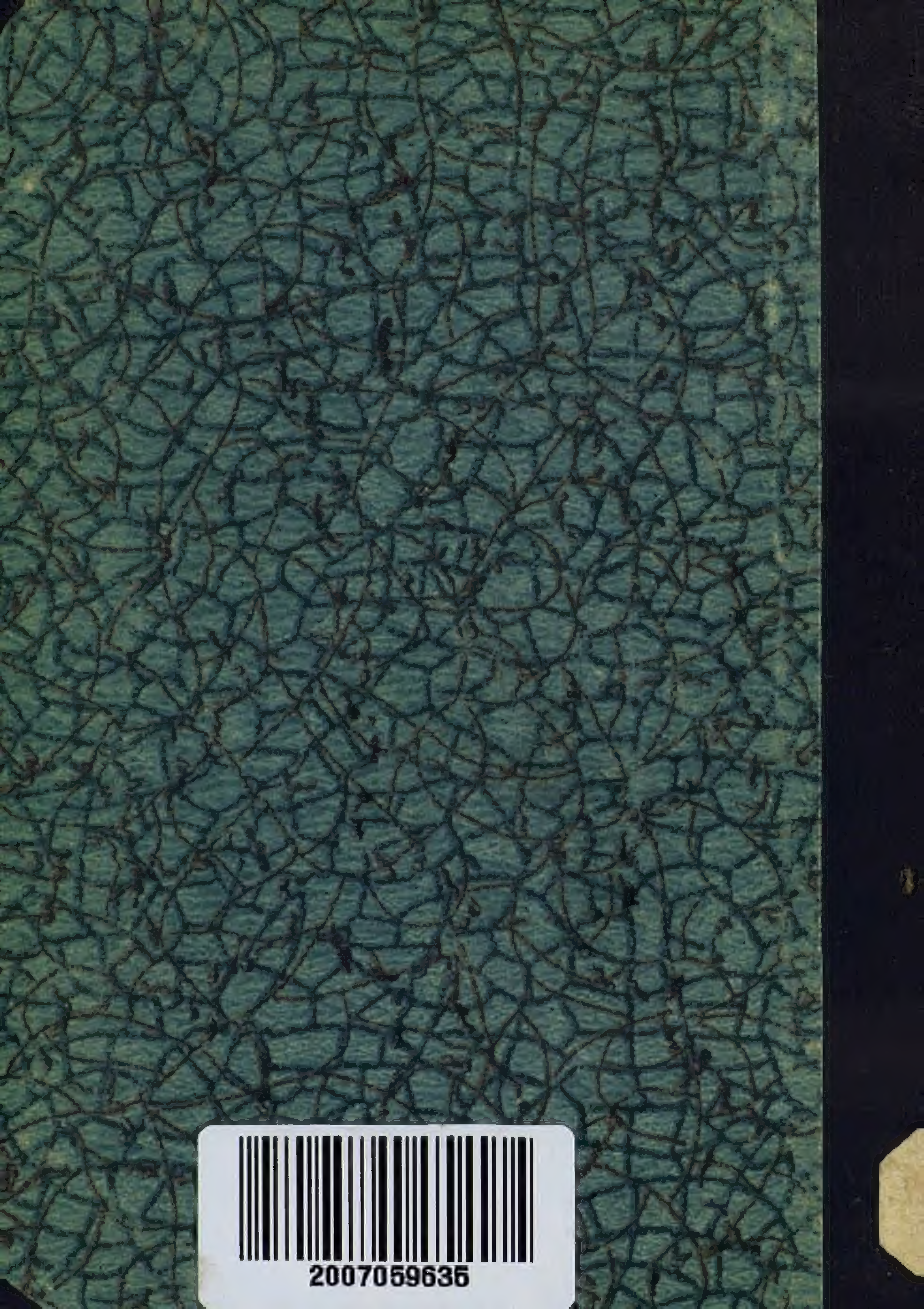
4. Что Славянская народность, составляя почти треть народонаселенія Европы, такъ ничтожна по своему развитію и не имѣетъ того значенія, которое должна бы имѣть по своей численности. А это потому, что она дробится во всѣхъ отношеніяхъ, что, какъ выразился малорусскій гетманъ Мазепа:

«Не в одын гуж вси тягнуть:
«Той на право, той на лико,
«А вси братья: то-то дыво!» **)

Въ заключеніе не лишнимъ считаю указать на одно изъ странныхъ мнѣній жаргонистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ думаютъ, что слѣдуетъ мѣшать развитію славянскихъ народно-

*) Показалецъ стр. 28.
**) Старосвитск. Бандурыста. Стр. 48.

стей въ отдѣльности, потому что отъ этого-де развитія происходитъ ослабленіе славянскаго дѣла. Эти жаргонисты, вѣроятно, думаютъ, что рѣка, принимая въ себя побочныя рѣки, притоки, пострадаетъ отъ того, что притоки эти будутъ заключать въ себѣ много воды.

2007059635